

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ: ОТ АЛАНОВ ДО ЭСТОНЦЕВ

Человек с самого рождения живущий в глубине равнинного края что он знает о море, о горах? Шум леса вместо рокота морских волн, кучевые облака на закате над родными полями на плато Северо-Восточной Эстонии вместо искрящихся снежных вершин величественного горного кряжа! Облака образуют причудливые формы: вот - Эльбрус, вот - Казбек, а вот - Эверест. Первая картинка, нарисованная мне старшим братом, изображала, я помню, не еле тащившуюся крестьянскую телегу, на которой мы ездили на мельницу, а стремительно несущийся по волнам кораблик - одинокий Лермонтовский парус...

Как бы ни были мы, благодаря своим крестьянским генам, привязаны к земле, в нас нет-нет, да и просыпается интерес к иным берегам, к другим народам. Наши соплеменники всегда были легки на подъем. Эстонская девушка выходит замуж за потомка декабриста (Сальме, данные Якоба Нермана), эстонец участвует в спасении экспедиции Нобиле (Карл Йыги), поднимается на стратостате (Эрнст Бирнбаум), эстонские переселенцы оседают на побережье Тихого океана (рыбацкие деревни Лифляндка и Линда), начинают новую жизнь в привисленских губерниях, кое-кому удаётся побывать на Южном полюсе ... Может быть, в этом и есть суть известного ещё из истории механизма переселения народов, неизменно оздоравливающего, хотя отнюдь не такого уж безболезненного. Трудился эстонец на чернозёме Ставропольской губернии до седьмого пота, как, бывало, и на каменистых полях отчего края, а когда в густой южной ночи под кваканье лягушек у него вдруг начинало щемить сердце, так это от тоски по вросшим в землю седым валунам-великанам, от воспоминания о жарких схватках с ними на родной ниве.

В гости к другим народам лучше всего ехать с мыслями о великости труда. Берёшь с собой как талисман на цепочке с не запаянным звеном трудолюбие своего народа, чтобы соединить его с таким же звеном там, в дальнем краю. Тем более что предстоит поездка в Ставрополье - плавильный тигель народов и культур. До отлёта из Таллинна я побывал в парке Кадриорг - в доме-музее Таммсааре, проникся благостной тишиной жилища эстонского писателя-классика. Ещё со времён Магеллана путешественники перед тем, как отправиться в далёкое странствие, имели обыкновение заходить в церковь, а мне захотелось почтить память замечательного художника, воспевшего труд. Мальчонкой мне казалось, что сколько ни работай, всего не переработаешь. Намечешь, бывало, стог сена, глядишь - высокий, а к следующему утру придавит его росой, и вот он наполовину ниже. И так оно получается с каждым делом. Но тогда я ещё не знал, что от целого века человеческой деятельности на земной поверхности остаётся культурный слой всего в несколько миллиметров.

Миграция, войны, большие и малые распри на протяжении столетий формировали характер кавказских народов, они одновременно и дружелюбны и суровы. Оружие их не кинжал, а чувство собственного достоинства. В последний раз они воевали за то, чтобы освободить от фашистов священную гору Эльбрус. Далёкие войны оставили свой след, это Военно-Сухумская дорога, Военно-Грузинская, Военно-Осетинская... Собственно, каждое селение имеет свою военную дорогу, свою партизанскую тропу, есть они и у эстонцев. И тут свидетельства мирной жизни - заповедники Кавказский (1924), Тебердинский (1936), Северо-Осетинский (1967), Кабардино-Балкарский (1976) и др. Люди живут на своей земле. Возделывают свой виноградник.

Древние аланские племена - излюбленный объект исследования у историков. В IV—III веках до н. э. в степи Предкавказья вторглись ирано-язычные сарматы, их племенные союзы оттеснили скифов на запад. Из числа сарматских племён ко II веку выдвинулись аланы, кочевники-скотоводы, населявшие степные пространства к северу от Чёрного моря и предгорье Кавказа. В IV веке н. э. аланам нанесли тяжкий урон вторгшиеся гунны. О жестокости гуннов говорят нам страницы истории, многие племена были стёрты с лица Земли. Вместе с гуннами часть аланов попала в Галлию, Испанию (недаром историки пытаются доказать наличие сходства между басками и кавказскими народами), даже в Северную Африку. Французы унаследовали от аланов имя собственное Ален, англичане - Алан. После великого переселения народов аланы, уцелевшие от нашествия гуннов, стали оседлыми, их считают предками осетин. От аланского языка сохранились главным образом названия, связанные со степью, тогда как употребляемые в горах общие понятия происходят от языков коренного населения Кавказа. Слово «дон» означает на аланском языке «вода», таким образом река Дон - крестница аланов. Будучи первыми из пришедших в эти места кочевников, аланы установили тесные связи, союз с коренным населением - горцами. Уже в X веке наступает расцвет раннефеодального Аланского государства. Делаются попытки создать на основе греческого алфавита собственное письмо, из Византии приходит христианство, аланы вместе с хазарами противостоят натиску арабов. Через Крым налаживаются торговые связи с Киевской Русью. Неподалёку от горняцкого посёлка Хумара (Карачаево-Черкесская АО) обнаружено древнее поселение аланов. Городище было обнесено толстой, в шесть метров, каменной стеной с девятью башнями. На каменных плитах имеются византийские тексты, относящиеся к IX-X векам. Аланские могильники отличаются обычно богатством погребений, эти находки представляют собой археологическую сенсацию, наиболее ценные предметы из аланских захоронений являются гордостью Эрмитажа.

Музейные экспонаты наглядно показывают жизнь древнего племени, занимавшегося разведением овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей. Из сельскохозяйственных культур, помимо зерновых, овощей и фруктов, аланы выращивали также лён, было развито виноделие. Интересна аланская скульптура, небольшая часть таких находок выставлена в саду Ставропольского краеведческого

музея. Любопытно отметить, что в аланских захоронениях найдены также украшения из янтаря с берегов Балтийского моря.

Современный промышленный облик края открывается нам в Невинномысске. Город построен на бывшем казацком редуте. Эти места – родина запомнившегося мне ещё с мальчишеских лет легендарного героя гражданской войны, юного комбрига Ивана Кочубея, зверски замученного белыми. Город новый, совсем молодой; развитие большой химии обусловило его рост. По величине Невинномысск равен нашему Тарту, но по внешнему виду напоминает Кохтла-Ярве. Ничего удивительного: промышленные города имеют своё, культурные центры своё лицо. Невинномысск живёт по гудку и трудовому ритму гиганта АЗОТа (удобрения, пластмассы, парфюмерия и пр.). Наверняка и Тартуский опытный завод пластмассовых изделий получает оттуда сырьё и полиэтиленовые гранулы. В городе имеется также крупная фабрика первичной обработки шерсти и ГРЭС.

После золотых полей подсолнечника город встречает нас мелово-белым зноем. В промышленном центре все воздвигнуто наспех, на скорую руку. Нет пока запоминающихся зданий, монументов. От старой застройки дольше всех продержались районы казачьих куреней. Теперь они в ожидании бульдозеров представляют этнографический интерес. Некоторые из старинных уголков, находящиеся на отшибе, будут, несомненно, сохранены. Между тем у новых жилых районов та же беда, что и у наших: как-то слишком уж быстро они обжиты, и не только обжиты, но и успели приобрести изжитой вид — урбанизированная пустыня.

Раз на рынке в Кисловодске меня привлекло лицо старухи, торгующей кусочками пемзы, коричневое и пористое, как её товар. Там, среди живого и преходящего, среди кур, висящих вниз головой, и ос, упившихся сладчайшим арбузным соком, старуха была похожа на дельфийскую пифию. Она мгновенно узнала в нас эстонцев и выбрала для нас самый лучший кусочек застывшей плоти Земли.

Невинномысск не отражает своеобразия всего края, скорее он - свидетельство ускоренного ритма наших дней. Если взять продукцию Невинномысска, потребность в ней народного хозяйства, то можно оправдать не один недостаток в житье-бытье промышленного города. В Ставропольском крае имеются большие запасы природного газа, по газопроводам он идёт в Москву, Ленинград, Тбилиси.

Городу, изнывающему от полуденного зноя, приносят облегчение и свежесть желтовато-молочные пенные воды Кубани. В 1948 году был сдан в эксплуатацию Невинномысский канал длиной 49,2 километра, в 1982 году ему было присвоено имя видного советского партийного и государственного деятеля М.А. Суслова. Канал подаёт воду из реки Кубани в реку Егорлык. Своей высотой, воротами, мощными цепями плотина производит необычайно сильное впечатление, шум воды оглушает. И это единственное место, где ощущается дуновение прохлады. На конце плотины, у сторожевой будки первые бросающиеся краю в глаза гроздья винограда напоминают нам, что мы находимся в знаменитом краю виноделия. Кубанские вина славятся не только у нас в стране, но и на мировом рынке.

По пути в Пятигорск можно поразмышлять об эстонских поселенцах Ставрополья. Смотришь в южное небо, и почему-то вспоминается, что малая планета № 1541, или 1939 СК (цифры перед буквами обозначают год открытия) носит название – Эстония. Любезный жест со стороны финского астронома Ю. Вайсяля из Турку. Всего, касающегося Эстонии, наверное, никто не взялся бы охватить. Слишком обширная тема. Я начал издалека, с расстояния 414 миллионов километров от Солнца, по той причине, что мы в поисках следов наших соотечественников в Канаде или на берегах Японского моря подчас забываем о космических далях, о том, что над нами широкой дугой проходит Млечный путь, который указывал направление и нашим переселенцам. А порой, увлекаясь далёкими широтами, мы забываем о малом.

Окраинные губернии по численности эстонцев и их идейной зрелости, конечно же, не могли идти ни в какое сравнение с Питером. Вспомним хотя бы людей из окружения Ленина в дни революции: шофёр К.Отс, телеграфист К.Ряни, председатель Военно-революционного комитета П.Лазимир. Однако и среди эстонцев, связанных с Предкавказьем, есть знаменитые люди. Генерал-лейтенант Лембит Пэрн был родом из поселения Эсто-Хагинское, входившего тогда в Ставропольскую губернию. Расположенный на реке Кубани Армавир, в ту пору крупный железнодорожный узел с пивоваренными заводами, скотобойнями и мукомольнями, стал местом упокоения тяжелоатлетов-эстонцев Георга Луриха и Александра Аберга. Прибыв в город, оба почти одновременно заболели сыпным тифом. Георг Лурих умер 22 января 1920 года. Аберг одолел тиф, но осложнение - крупозное воспаление лёгких – унесло и его. Непобедимые силачи, по свидетельству немногих местных старожилов-эстонцев, были похоронены рядом. Впоследствии кладбище, увы, ликвидировали, в настоящее время на этом месте - заводской двор. И ещё. Полотно Иогана Кёлера «Итальянский пастух» (масло, 1859) является украшением музея изобразительных искусств Ставропольского края. Кёлер - один из корифеев эстонской культуры, он мечтал о свободной колонии эстонцев здесь, на юге, и, будучи придворным художником, тем не менее не забывал о страданиях эстонских переселенцев.

Глядя на степи Ставрополья, хочется начать разговор сначала. Нет, на сей раз не про древнее море Тетис, не про аланов, а про то, что связывает альварные почвы на берегах Финского залива с краснозёмами и чернозёмами Ставрополья.

В ходе русско-турецких войн многие местные жители либо погибли, либо вынуждены были покинуть насиженные места. Вот на такие «свободные» земли и направляли переселенцев, в том числе и эстонских крестьян. Ленин писал: «... вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 405). Власти несколько не были

заинтересованы в оказании переселенцам помощи, хотя кое-какие обещания давались и кое-что предпринималось. Власти смотрели на переселение как на некий севооборот применительно к народам.

Для крестьянства, страдавшего от аграрного голода и произвола помещиков переселение стало пассивной формой классовой борьбы. Начиная с шестидесятых годов прошлого и до начала нашего века Эстонию покинуло около 11 процентов крестьян. В общей сложности переселенцы (в том числе и те, кто переселился из городов, и те, кто переселился в города) составляли 15 процентов всего населения Эстонии. По данным первой, проведённой в 1897 году переписи населения, в Российской империи насчитывалось 1002738 эстонцев, из них 113400 человек проживало за пределами наших этнических границ. В Ставропольской губернии обосновалось 1279 эстонцев, на Кубани – 880. В ту пору эстонские переселенцы и сложили дошедшую до нас шуточную песню:

Кубанский казак,
невысок, коренаст ...

Царская Россия с переписью населения, как и другими прогрессивными начинаниями, не спешила, тогда как Советская страна после гражданской войны и интервенции начала именно с этого. Необходимо было иметь общее представление о положении дел. По данным новой переписи, в Советской России проживало 180-185 тысяч эстонцев.

На Северном Кавказе наиболее известными эстонскими поселениями были Эсто-Хагинское (в народе называлось Калмука, по-видимому, от слова «калмык») и Аллмяэ - в Ставропольской губернии, Ливония, Эсто-Маруха и Хассы-Кардоник - в Кубанской области. Разрешения на переселение сюда из Крыма власти вначале не давали. Наконец, в 1866 году 90 эстонских семей переселились из Перекопского и Евпаторийского уездов в Ставропольскую губернию (В. Маамяги). Путь в степные просторы Предкавказья, несмотря на бюрократические рогадки и проволоочки, был открыт. И вот на этих территориях как бы вновь началось переселение народов. Так, через калмыцкие степи, через Главный Кавказский хребет, не имея официального на то разрешения, шли переселенцы и в Красную Поляну. Бывали случаи, когда люди и их скот пропадали, - дань горам и горцам. В 1885 году в селе Аллмяэ произошло кровавое столкновение с местным населением: два крестьянина - поселенца были убиты, тридцать ранены (С. Соммер). Марухке нанесла немалый ущерб одноименная горная река, смыв возделанные участки и даже постройки поселенцев. С годами Аллмяэ стало одним из наиболее крупных поселений, в нем проживало 1300 человек. Оттуда получило пополнение село Сулев (Л. Выйме), Недород в конце семидесятых и в середине восьмидесятых годов вынудил двадцать семей покинуть Эсто-Хагинское; проделав нелёгкий путь, они обосновались в Красной Поляне. Весной 1885 года из Раквере отбыл целый эшелон с переселенцами - десять вагонов. Прибыв в Ростов-на-Дону, эти люди оказались без крова и без хлеба, - их временно разместили в эстонском селе Аллмяэ. Затем губернские власти Ставрополья отправили несча-

стных в район крепости Карс. Там, в дальнем уголке царской империи, было основано поселение Ново-Эстония. Эти выходцы из Раквере и Виру-Нигула не могли даже предположить, что их дети и внуки станут впоследствии — по Карскому договору — турецкими подданными.

Но вот создалось критическое положение: переселенцы продолжали прибывать, а свободных плодородных земель уже не оставалось, и людям, проделавшим тяжелейший путь, предстояли новые испытания. А когда пускались в плавание на Дальний Восток, бывало и так: в тропических водах трупами наших соплеменников, главным образом детей, кормили акул, и не звонил по ним церковный колокол - гудела лишь пароходная сирена. Так что переселение следует рассматривать как крайний шаг в пору подъёма национального самосознания. Но, пожалуй, никто не может точно сказать, где - в Варгамяэ¹ или на чужбине - эстонский крестьянин больше недоедал и недосыпал, где приходилось чаще идти за гробом, скорбеть по уснувшим навеки родным. Трудиться не покладая рук, трудиться до последнего вздоха надо было и тут и там.

Первой публикацией о переселенцах можно считать изданную в Тарту в 1897 году брошюру Кристьяна Палло «Первые эстонские переселенцы, или 40 лет в Самаре», последними - такие труды советских учёных, как «В поисках новых земель» А.Вассара, «Строительство новой жизни»² В. Маамяги и «Путь в новую жизнь» л. Выйме. Как видим, в советскую историографию входят монографии с серьёзными, похожими и вместе с тем символически звучащими заглавиями. Так обычно начинаются саги, бесценные древние летописи. А где они кончаются? В литературе? В долгу, в неоплатном долгу перед историей наша кинематография. Хотелось бы подбросить «Таллинфильму» или «Эстонскому телефильму» такую идею: нельзя ли при помощи кинокамеры воссоздать предпринятый эстонскими поселенцами в 1886 году переход из Эсто-Хагинского через Главный Кавказский хребет в Красную Поляну. Ведь это была одна из самых драматических страниц в жизни переселенцев. Тридцать суток длился переход через горы, реки, леса. В горах бесследно исчезли Михкель Хярм с женой и двадцатилетняя Анна Сарка, а также стадо скота, которое они гнали. Дошедшие до цели первое время ютились в шалашах, крытых папоротником. Вокруг рыскали хищные звери. Ян Нахкур за одни сутки застрелил девять медведей. (Газета «Эдази» от 30 мая 1936; В. Маамяги.) Уверен, что энтузиасты найдутся, они наверняка установят и горные перевалы, через которые шли переселенцы, и сами пешком пройдут весь этот путь, и сыграет здесь свою роль не только жажда романтики, но и чувства долга.

¹ Синоним тяжёлого труда и родного края в эпосе А.Х. Таамсааре «Правда и справедливость»

² На русском языке эта книга вышла под названием «Эстонские поселенцы в СССР»

Шло время, беды забывались, жизнь в поселениях налаживалась. В трудные дни местное население оказывало переселенцам бескорыстную помощь (об этом писал ещё эстонский классик Эдуард Вильде).

Переселенцы несли с собой новшества, связанные уже с капиталистическими отношениями в сельском хозяйстве. Они способствовали развитию местного земледелия и животноводства, оказывали определённое влияние на развитие культуры.

Создавались сельскохозяйственные объединения, молочные и кредитные товарищества. И вот ... вырвавшись из ада, спасшись от гибели, преодолев невзгоды, переселенец с течением времени пересел на рессорную телегу. Земля и её плодородие, смелое применение более современных земледельческих орудий, новых сельскохозяйственных машин - все это имело значение. Далее многое зависело уже от другого. У некоторых колонистов жизнь шла как по маслу - либо за счёт старых кулацких прибытков, либо оттого, что возили воду на новых переселенцах. Ибо хоть и была земля в степях Предкавказья обетованная, социальные отношения оставались точь-в-точь прежние.

Старожилы не хотели принимать в свои общины новых людей, требовали от них «пошлину», т. е. денежные взносы за право поселения, ревниво охраняли собственные владения. Они-то выигрывали вдвойне. В связи с проводившейся в конце прошлого века политикой русификации далеко не всем новым переселенцам удавалось получить землю. Те эстонцы, кто давно и неплохо устроились в этих краях, отмахивались от вновь прибывших соплеменников, в лучшем случае нанимали их на сезонные работы или брали в батраки. В эстонских поселениях тоже зарождался сельский пролетариат. Накануне Октябрьской революции расслоение приобрело особенно чёткие границы. Весной семнадцатого года, после свержения царизма, в эстонском селе Ливония состоялся «съезд» поселений Юга России и Кавказа. И на этом, и на прочих поспешно дозывавшихся форумах брали верх своекорыстные интересы разбогатевших крестьян-зерноторговцев Крыма и Северного Кавказа и кулаков – поставщиков фруктов с Черноморского побережья.

На родине восхищались успехами переселенцев. Из рук в руки переходили фотографии (ныне имеющие музейную ценность) с изображением зажиточных дворов эстонских колонистов. Ревнители «эстонской идеи» в отчем крае нет-нет да и высказывали на страницах газет такую мысль, что у Эстонии, дескать, есть теперь собственные колонии, говорилось это, правда, скорее в шутиливом тоне. Но пока ревнители «эстонской идеи» лелеяли свои надежды, юный Лембит Пэрн вступил в партию большевиков, окончил курс эстонской роты Интернациональной военной школы. Пути молодых парней в эстонских поселениях стали расходиться. Классовая борьба обострилась.

Уже на рубеже веков эстонские поселения в тех краях вышли вперёд по производству и сбыту молочных продуктов. Надой молока составлял в эстонских хозяйствах 10-12 кружек в день, тогда как в других получали всего 5-6 кружек.

Добрая слава об эстонских женщинах, умеющих выращивать хороших дойных коров, сохраняется до наших дней, и по праву, я убедился в этом, побывав на альпийских лугах на Кавказе. Верно и то, что в эстонские поселения приезжают из центральных районов Грузии или из Абхазии торговаться о приобретении хорошей бурёнки в индивидуальном секторе.

Однако более важное значение, чем коровье молоко, имеет для человека известном возрасте школьное образование. К чести поселенцев надо сказать, что они это понимали с самого начала. Кубанская Ливония, Аллмяэ и Эсто-Хагинское построили на свои средства и своими силами прекрасные по тому времени школы (В. Маамяги). А после революции в Ленинграде открылся Эстонский педагогический техникум, стал работать эстонский сектор отделения нацменьшинств в Педагогическом институте им. Герцена, в Ленинградской области - эстонское отделение агрономического техникума. Расцветала эстонская пролетарская литература.

Положение в Ставрополье и на Кубани было примерно такое же, как описывает в своих романах Михаил Шолохов. Шла борьба за душу середняка против распространения националистической демагогии. Немаловажное значение в привлечении национальных меньшинств к активному участию в социалистическом строительстве имело создание национальных сельских Советов. Горячо взялись за дело эстонские сельсоветы в Хассы-Кардонике, Ливонии, Аллмяэ и Сальме. В поселении Аллмяэ много сил и энергии отдал организации колхоза красный партизан Аугуст Лондон. В поселении Эсто-Хагинское работал учителем Карл Рейнсон, о котором с большой теплотой вспоминал генерал Лембит Пэрн. Такие, как Рейнсон, стали неутомимыми борцами за духовное преобразование деревни.

Дела эстонских коммунаров явились героическим прологом к великому строительству новой жизни. Поскольку речь идёт о Предкавказье, расскажем вкратце об одном из таких начинаний.

Мысль о создании коммуны подала газета американских эстонцев «Уус Ильм», эту идею поддержали проживавшие в США и Канаде эстонцы - строительные и фабричные рабочие, а также фермеры. Весной 1923 года из Америки в Донской округ Северо-Кавказского края прибыла группа энтузиастов, они привезли с собой чудо техники - «фордзон». Молодая Советская страна открывала широкие возможности для осуществления заветных мечтаний, и Народный комиссариат земледелия пожелал коммунарам удачи. Первым председателем коммуны был Генри Кинн. Коммуна обосновалась в бывшем имении гетмана Прилепского. Люди работали увлечённо, и уже на следующий год в хозяйстве пыхтела паровая мельница, весёлый перестук доносился из кузницы, поголовье коров утроилось. Все имущество у коммунаров было общим, детей кормили чаще и давали им, конечно же, что повкуснее да получше. Мужчины носили одежду из чертовой кожи, а женщины, те оставались сами собой, фыркали, когда всем выдавались отрезки на платье от одной штуки. В коммуне действовал сухой закон, прикладываться к бутылке не

разreshалось даже по праздникам. Пиво варили только под Новый год. Долгое время в коммуне заведовал столовой Александр Уусэлу, в прошлом работавший в одном из фешенебельных ресторанов Нью-Йорка. Коммуна «Койт» приобрела широкую известность, туда потянулись эстонские семьи со всего Советского Союза. Но год на год не приходится, случился неурожай, да и настоящего агронома хозяйство не имело. В трудные времена, когда некоторые из коммунаров, повязав галстук, возвращались обратно в Америку, партийная организация коммуны много сделала для сохранения дружного коллектива. К коммуне присоединялись окрестные сёла, другие коммуны, хозяйство «Койт» стало интернациональным. По данным Минны Раук, в коммуне к 1930 году насчитывалось 500 человек. Хозяйство имело 4 тысячи гектаров земли, 190 лошадей, около 200 голов крупного рогатого скота 1,5 тысячи овец, электростанцию, силосную башню, пасеку, фруктовый сад, много жилых домов и хозяйственных построек, школу, клуб, библиотеку. Был начат переход на денежную оплату труда. Успехи коммуны не устраивали кулаков, они злобствовали, брали руководящих коммунаров на мушку.

Несмотря на то, что и эта, созданная иммигрантами, коммуна прекратила своё существование, накопленный опыт не прошёл даром. Коммунары, в том числе и эстонские, были пионерами на пути претворения в жизнь ленинской идеи перевода мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные социалистические (В. Маамяги).

Прославленный командир Эстонского стрелкового корпуса Красной Армии генерал-лейтенант Лембит Пэрн умер в Москве в марте 1974 года. Говорят, весна уносит старых генералов, но он-то был не так стар, работал старшим научным сотрудником в Институте военной истории. В память о генерале его имя присвоено колхозу «Вохня» Раквереского района - предки генерала были родом из этих мест.

Вот фотография, на которой запечатлены представители трёх поколений. Она сделана в 1946 году в Эсто-Хагинском, где все, от мала до велика, называли Лембита Пэрна «наш генерал».

Родители генерала - Абрам и Мария Пэрны - похоронены на кладбище в Эсто-Хагинском (Яшалта). В своей книге воспоминаний Лембит Пэрн пишет: «...Семья наша состояла из восьми человек, из них шестеро детей. Всех надо накормить, обуть, одеть, обшить, обстирать. На домашнем станке мать ткала сукно, одеяла, шерстяные платки и т. п., вязала всем чулки и варежки. Ухаживала за коровой, овцами, поросятами. К тому же летом и осенью работала со всеми в поле». Сестра Л. Пэрна - Эндла отмечает, что их мать с детства привыкла к тяжёлой работе. «Но самая тёплая и дорогая память о ней - её безграничное самопожертвование ради нас, детей, - продолжает Эндла. - Простая, скромная, она жила детьми. И в трудные, суровые годы, и в счастливую пору она всегда являлась для нас примером стойкости и справедливости... Мать у нас была верующая, но её религия была особенная - вера в добро и потребность, прямой долг делать людям добро». Сын мог взять мать к себе, в Москву, но она осталась верна своему селу.

Мать генерала родилась в 1877 году в эстонском поселении Марухка на Северном Кавказе. В исследовании Ю. Кахка «Крестьянские волнения, в Эстонии в 1858 году» приведён список участников «Войны в Махтра» приговорённых к шестидесяти ударам шпицрутенами; в списке значится несколько человек по фамилии Спуль - это родственники Лембита Пэрна со стороны матери. Мать генерала, бывало, рассказывала, что в уезде Ляэнемаа как-то собрались молодые неженатые парни, не имевшие ни кола ни двора, и решили покинуть родные места. Сказано - сделано, отправились они в путь пешком. «Глядь, едет за ними большая телега, впряжена в неё пара лошадей. Мужик на телеге предлагает путникам подвезти их, обещает довезти их до русской границы. Парни смекнули: «Это же сам барон Унгерн», только переодетый! Обманет он!» Некоторые, однако, сели в телегу, и лошади тут же повернули и во весь опор понеслись обратно к барской усадьбе». Но семнадцать парней продолжали свой путь. Дошли-таки до Крыма, оттуда двинулись на Кавказ. Два года длилось их странствие, кое-где задерживались, чтобы заработать на харчи, а то и попросту побирались, просили у рыботорговцев разрешения обмакнуть кусок хлеба в рыбный рассол. Двоюродная сестра Л.Пэрна говорила, что бабушка генерала по матери, Крыт, и Юри Спуль попеременно болели в пути, заботились друг о друге. Юри Спуль, отправившись на заработки в Донбасс, попал, работая в шахте, под обвал и остался калекой, так что его дочери Марии с малых лет пришлось трудиться.

Отец Лембита Пэрна, Абрам, всегда находился в гуще жизни своего села – была у него общественная жилка. Всем интересовался, всюду успевал. Но интерес его не ограничивался только делами односельчан. Дочь Эндла вспоминает как отец однажды взял её с собой на летний праздник калмыков. Калмыки встретили его как дорогого почётного гостя.

Генерал Пэрн был суров, в этом его, пожалуй, можно сравнить с маршалом Жуковым. Каждый военачальник в известной мере держит в своих руках жизни людей, его приказы, правильные и неправильные, подлежат исполнению, а не обсуждению. Многие знали, что генерал любил и хорошую шутку. Военачальник не может, да и не должен быть в глазах фронтовиков каменным изваянием. Война имеет несколько плоскостей, и только обратившись к детским годам генерала, мы поймём, что именно из числа наиболее жизнестойких переселенцев мог выдвинуться человек, взявший на себя ответственность принимать решения.

Лембит Пэрн рос живым, бедовым, весёлым мальчишкой, неистощимым на выдумки. Эстонские огольцы быстро переняли у калмыков любовь к лошадям. Отец мальчика говорил: «Он, озорник, никогда не въедет на лошади в ворота, не выедет из ворот, все мчится напрямик, через пригорки да канавы. На полях перескакивает через копны и омёты - только пыль столбом. Это, по его словам, тренировка, скачки с препятствиями». Как-то возвращавшиеся из церкви соседи увидели на крыше хлева телегу. Лембит, помогавший матери топить соломой плиту, на короткое время отлучился, чтобы принести топлива. Потом он, как Том Сойер, повинился, что во

дворе ему встретились друзья. «Ну тут мы и попробовали, сумеем ли пушку на гору вкатить ...» Да, силёнок у ребят хватило, дышло было нацелено прямо в небо, но пройдёт ещё много, очень много времени, прежде чем прогремит победный залп артиллерийских орудий генерала Лембита Пэрна и все эстонские молодки кинутся целовать героя. Есть фотография: в дни великой Победы Лембит Пэрн в кругу солдат-земляков. Их более шестидесяти человек.

Но Иоосепа Лаара, Героя Советского Союза, нет среди них, он уже второй год тогда покоился в сухой кубанской земле, в парке станицы Крымской... В том благословенном хлебородном степном краю, куда переселились его предки из Синди, что в Пярнумаа. Родился он в селе Аллмяэ, до войны жил с семьёй в городе Черкесске. Было ему уже под сорок, должность имел, на наш взгляд, не очень-то престижную - работал домоуправом.

Ранней весной 1943 года, когда советские войска уже разбили гитлеровскую группировку под Сталинградом и фашисты отступали с Северного Кавказа, боевой путь Иоосепа Лаара пролегал через Нальчик, Ессентуки, Кисловодск, Черкесск, Армавир, Краснодар. Служил он тогда в воинском соединении, которое потом прославилось как 2-я гвардейская Таманская стрелковая дивизия имени М.И. Калинина. Он был рядовым 4-й роты 2-го батальона 15-го стрелкового полка, грудь его украшали две медали.

В летний зной развернулось мощное наступление для прорыва «Голубой линии». Полк получил приказ освободить хутор Ленинский западнее станицы Крымской. Когда началась атака, Лаар во главе своего отделения ворвался в траншею противника. Гранатами он вывел из строя ручной пулемёт, уничтожил девять фрицев. Однако дальнейшему продвижению препятствовал огонь станкового пулемёта из вражеского дзота. Лаар не растерялся: метнув метров с двадцати гранату, он заставил пулемёт замолчать. Но по наступающим бойцам ударили из другого дзота. Лаар находился впереди, он понимал, что теперь всё зависит от него. До того момента он выполнял приказ комзова лейтенанта Андрусенко. Дальше он полз уже по своему почину. Метнул в направлении амбразуры три гранаты, но дзот продолжал вести огонь. Лаар попытался обойти дзот, его тяжело ранило осколком гранаты, разнесло автомат. Фашисты усилили огонь по батальону. Тогда и родился подвиг, обессмертивший человека. Смертельно раненный, прижав пилотку к развороченному животу, собрав последние силы, Лаар подполз к амбразуре. Те, что засели в дзоте, не могли его видеть. Но какой ужас, наверное, объял фрицев, когда окровавленная рука схватила раскалённый ствол их пулемёта и попросту отвела его в сторону. Мгновение спустя тело закрыло амбразуру.

«Я умираю... отомстите за меня», - были его прощальные слова. В нагрудном кармане гвардии младшего сержанта Иоосепа Лаара нашли пробитую двумя пулями, всю в крови, карточку кандидата в члены ВКП(б), там же лежало написанное накануне и ещё не отправленное письмо к жене.

Село Казинка - первое прибежище эстонских переселенцев на юге - потом вместе со всем имуществом было продано украинцам. Уходя, взяли с собой только самое необходимое. И хотя эстонские поселения на Северном Кавказе находились далеко одно от другого, например, от Ливонии до Аллмяэ было семьдесят вёрст, до Марухки и Сенгилейска (Ингелисска) - около ста, а до Эсто-Хагинского - даже двести пятьдесят вёрст, тем не менее переселенцы помнили о тяжёлой нищей жизни в породнившей их Казинке и никогда не забывали друг друга. Расселившись, они и хозяйство стали вести по-разному. В противоположность тем, кто осел в степи, люди, обосновавшиеся в горной Марухке, держали скот и пчёл, жгли уголь. Однако забота у всех колонистов была одна - прокормить семью, сохранить здоровье.

Если когда-то в родных краях люди окуривали горницы дымом от можжевельных веток, то здесь в случае эпидемии стали применять для дезинфекции помещений раствор карболки или сулемы. Это помогало бороться с болезнями. В 1918 году с фронта распространилась эпидемия гриппа - «испанка». Потом свирепствовал сыпной тиф, трепала лихоманка - малярия, и люди научились принимать от неё хинин. И переселенцы выжили - родились и выросли новые поколения.

С тех пор в Марухке и Урупe много воды утекло в море. Но в памяти сохранились люди и события, и летопись ещё не написана.

Бывали времена, когда эстонские переселенцы чурались друг друга, как оборотней, обвиняли в воровстве и вранье. Бывали времена, когда, отправив своё дитя в город учиться, семья должна была взять взамен из детдома новых питомцев, не понимавших языка, на котором говорили в семье. Бывали времена, когда человека обзывали буржуем, если он имел сепаратор или умел считать на счётах. И всегда они, возвращавшиеся домой солдаты, всё ставили на свои места, заводили остановившиеся часы, опрокидывали отжившие представления.

Сейчас, когда предстоит 100-летие эстонских поселений (село Эстонка первым отметило летом 1982 г. Этот юбилей), мы можем со спокойной совестью без предвзятости оглянуться на судьбу наших соплеменников. Наш долг – позаботиться о том, чтобы их дела не канули в небытие. И не станем обманываться, считая себя великими домоседами. Наши братья предприняли когда-то далёкий путь в Ставрополье и живут там поныне бок о бок с представителями девяноста национальностей.

Перевод Анны Тулик.